

Четвертый год правления Тяньци, середина весны. Несмотря на колкий весенний холод, ивы вдоль дорог Шанцзина уже выпустили свои нежные почки.

Как и предполагал Сяо Юй, на второй день после его возвращения из Чэндэ в Шанцзин, посыпались доносы на маркиза Чжэньбэй Ци Цзюня — они накрыли столицу, словно ливень из стрел на поле боя.

Некоторые обвинения звучали еще хоть сколько-нибудь обоснованно: чиновники корили его за то, что он, проявив безрассудство и полное неуважение к вышестоящим, выхватил меч и убил государственного служащего прямо в загородной резиденции. Другие же были просто выплеском эмоций — авторы бранились на чем свет стоит, проклиная род Ци с самого начала их возвышения и до нынешнего поколения, причем ни одно из обвинений не повторялось дважды.

Сяо Юй, облаченный в императорское одеяние с вышитыми двенадцатью символами власти, восседал в тронном зале, сдерживая гнев, когда гражданские чиновники заходили слишком далеко в своих яростных нападках.

Хотя Сяо Юй и показал свою силу в Чэндэ, реальная власть в государстве по-прежнему оставалась в руках регента Сяо Ина. Юному императору оставалось лишь ждать следующего шанса для контратаки.

— Я ознакомился с доносами почтенных господ, — Сяо Ин изобразил крайнюю степень скорби. — И сам считаю, что поступок маркиза Чжэньбэй в этой поездке был чрезмерным. Если не наказать его в назидание, то, полагаясь на свои заслуги, он неизвестно каких еще бед может натворить!

— Прошу Ваше Величество лишить Ци Цзюня титула маркиза и должности генерала конницы, чтобы другим неповадно было!

Сяо Ин мельком взглянул на Сяо Юя и произнес:

— Генерал Ци — заслуженный человек, такое наказание будет слишком суровым. Пожалуй, оставим ему титул, но понизим в должности до третьего ранга генерала, охраняющего государство, и лишим жалованья на три года.

Услышав это решение, Сяо Юй лишь горько усмехнулся про себя. В Великой Шан генералы третьего ранга и ниже не обладали реальной властью над войсками. Цель Сяо Ина была настолько очевидна, что даже не стоило обсуждать, насколько это нелепо.

Сам Ци Цзюнь ничего не знал ни о наказании, ни об обвинениях придворных.

После праздника Нового года его отец, старый маркиз Чжэньбэй, внезапно тяжело заболел. Днем он страдал от мучительного кашля, ночью харкал кровью, днями и ночами не мог

сомкнуть глаз, а в последние дни вовсе перестал принимать пищу. Лучшие лекари Шанцзина толпами ходили в резиденцию маркиза, но состояние больного не улучшалось. Мать Ци Цзюня не переставая лила слезы, а сам он, всецело поглощенный уходом за отцом, совершенно не следил за политическими бурями в столице.

Указ о понижении в должности, написанный рукой Сяо Юя и утвержденный Сяо Ином, прибыл в резиденцию двадцать пятого числа второго месяца. Однако уже через день после того, как разгневанный Ци Цзюнь принял указ, из дворца пришло другое повеление — восстановить его в прежней должности.

Это была не шутка, чтобы поиздеваться над человеком. Просто за эти сутки ко двору поступил доклад из Разведывательного управления Северного пограничья. Это управление занималось сбором данных о кочевых племенах Хунну и соседнем государстве Силянью. В последние годы, по мере усиления Силяни, центр тяжести их работы сместился на это королевство.

Содержание доклада было кратким: правитель Силяни скончался, но наследный принц скрывает это, не объявляя траур. Никакого анализа — только сухие факты. Но за этими короткими фразами стояли жизни агентов, внедренных Великой Шан в Силянью.

Сяо Ин, сжимая в руках красный конверт с донесением, мерял шагами комнату. В эпоху объединения Восточных земель династия Восточная Чжоу была защищена удельными князьями. Позже, когда порядок и ритуалы рухнули, начался новый этап истории. После кровавых междоусобиц выжили два сильнейших государства: одно на юге — Шан, другое на севере — Силянью. Хотя порядок установился на столетие, мечта о новом объединении Восточных земель по-прежнему жила в сердцах правителей.

Кто станет новым главой Силяни? Почему они скрывают смерть правителя? Чего они добиваются? Бесчисленные вопросы теснились в голове Сяо Ина.

— Дядюшка, советую вам вернуть генерала Ци на прежнюю должность. Иначе пожалеете.

Голос Сяо Юя раздался у него за спиной. Сяо Ин обернулся и увидел, что этот император, который был на двадцать лет моложе его, смотрит на него с ледяным высокомерием. По спине Сяо Ина пробежал холодок, и он, стиснув кулаки, все же согласился.

Слова Сяо Юя оказались пророческими: всего через десять дней кони Хунну, которые, казалось, были разбиты и отступили, вновь пересекли северную границу. Но в этот раз они вели себя иначе: вместо привычных грабежей и убийств, словно балующиеся дети, проверяющие глубину пруда, они наносили удары по множеству приграничных городов в разных местах. Стоило войскам Великой Шан выйти за ворота, как они тут же отступали, не вступая в затяжной бой. Несколько дней спустя гарнизоны приграничья были измотаны до предела.

Старый маркиз Чжэньбэй не дожидаясь конца весны четвертого года правления Тяньци. Однажды ночью он вдруг пришел в возбуждение, достал свой старый меч времен правления

покойного императора и, несмотря на холод, крепко обнял его. Когда на следующее утро слуги нашли его, он был уже мертв, все еще сжимая в руках клинок.

Ситуация на севере не давала времени на скорбь. Ци Цзюнь, который по закону должен был соблюдать трехлетний траур, был призван ко двору. Едва вернувшись в Шанцзин, он снова должен был собираться в поход.

В Шанцзине стояла теплая весна, плыли редкие облака, небо отливало нежным белым светом. Несмотря на свежесть, на улицах уже можно было встретить отпрысков знатных семей, вышедших на прогулку. Молодые ивы склонялись над крышей кареты главы Военного министерства, которая неслась так быстро, что не замечала весеннего очарования города.

Карета остановилась у ворот с вывеской Резиденция маркиза Чжэньбэй. Глава министерства вбежал внутрь и как раз застал Ци Цзюня. Тот только что выплакался, его веки опухли и покраснели, а из-за потери отца он не следил за собой — растрепанный, он выглядел совершенно потерянным. Глава министерства едва узнал генерала: обычно Ци Цзюнь, зная, что его нежные черты лица не внушают трепета врагам, пользовался косметикой и накладными усами, чтобы выглядеть мужественнее, но сегодня он был естественен.

— Маленький маркиз, примите мои соболезнования. Мертвых не вернуть, — глава министерства поклонился, а затем перешел к делу: — Вам скоро выступать в поход, и император просит вас зайти в Зал Чжуннин для беседы. Вы непременно должны явиться.

С этими словами он достал приглашение с государственной печатью. Несмотря на крайнюю усталость от горя, Ци Цзюнь сразу узнал печать Сяо Юя.

Во второй половине дня, перед самым отправлением на север, Ци Цзюнь, как и обещал, пришел в Зал Чжуннин. Три года назад этот зал был личными покоями Сяо Юя, но позже регент в своей грубости, желая притеснить императора, заставил того переехать в более тесный и отдаленный Дворец Чунхуа. Ци Цзюнь не знал, что Зал Чжуннин уже давно сменил хозяина. Видимо, по приказу Сяо Юя стража не стала чинить ему препятствий и пропустила после короткого допроса.

Пройдя через трое ворот, Ци Цзюнь оказался в боковом павильоне, о котором говорилось в приглашении. Во дворе росли высокие деревья гинкго, а под ними в кадках цвели пионы, яблони и китайские розы. Ци Цзюню показалось это странным: это место совсем не походило на покои государя.

Однако он толкнул дверь и вошел. Не успел он поклониться и выразить почтение, как увидел стоявшую там Ван Илю — с мокрыми волосами и босую. При виде него ее глаза расширились от изумления.

В голове у Ци Цзюня словно прогремел взрыв. Он не успел опомниться, как из глубины комнат раздался пронзительный женский крик:

— Эй, кто-нибудь! Схватите этого бесстыдного наглеца!

Стражники, словно уже поджидавшие в засаде, набросились на него, даже не дав объясниться и не принимая во внимание его титул генерала конницы первого ранга. Они сбили его с ног и прижали к полу. Служанка накинула на Ван Илю длинный халат; та застыла в оцепенении, глядя, как Ци Цзюня удерживают на коленях.

— Императрица...

Жесткий кулак с силой врезался Ци Цзюню в лицо. Во рту появился привкус крови, его головной убор слетел на пол, изо рта хлынула алая струйка.

— Давно доходили слухи, что какой-то наглец посмел питать виды на Императрицу, и вот сегодня мы наконец тебя поймали! — прошипел евнух, наступая ногой на рассыпанные волосы Ци Цзюня. — Обыщите его!

Несколько рук грубо принялись выворачивать его карманы.

— Господин евнух, нашли! Это любовное письмо, которое он написал Императрице. Содержание... такое грязное, что раб не смеет и вслух прочесть!

В этот миг Ци Цзюнь понял, что произошло. Его подставили. Приспешники Сяо Ина не собирались оставлять его в покое, просто он не ожидал, что они прибегнут к столь подлому приему.

Ци Цзюнь медленно поднял голову. Даже с окровавленным лицом он продолжал улыбаться. Его зубы были залиты кровью, и, проведя по ним кончиком языка, он посмотрел на Ван Илю и лишь сказал:

— Благодарю Императрицу за такую награду.

Ван Илю лишилась дара речи. Она протянула руку, словно желая приблизиться к Ци Цзюню, но в следующее мгновение замертво рухнула назад, потеряв сознание.

<http://bllate.org/book/21170/2144726>